

— Ты же не верила? Дай посмотреть. — Су Няньсюэ сделала движение, будто собиралась выхватить что-то, но, споткнувшись о камень, неожиданно упала прямо на неё.

В отличие от ситуации в лодке, Цин Лань уверенно подхватила её, только вот фонарь, который та держала в руке, случайно улетел. Под светом огней её персиковые глаза казались невероятно притягательными.

— Кто сказал, что я загадывала желание для себя?

Она слегка опустила голову, и в её опущенных глазах отразилось её же отражение.

Стук сердца в ушах был не только её собственным, но и того человека, которого она держала в объятиях.

Две такие умные девушки, как они, не могли не догадываться о некоторых невысказанных чувствах.

— Алань... — Под таким взглядом Су Няньсюэ невольно сжалась, но, подняв глаза, обнаружила, что вокруг потемнело.

На её губах ощутилось лёгкое, как перышко, тёплое прикосновение.

Она широко раскрыла глаза, встретившись взглядом с другой.

Её стеклянные глаза полуприкрылись, и в их глубине можно было разглядеть игривый блеск. Каждое её невольное движение было наполнено очарованием.

Су Няньсюэ внезапно расслабилась, тихо закрыла глаза, а её рука, которая до этого держалась за руку Цин Лань, мягко легла на её плечо.

Под звёздами и лунным светом, в то время как на другом берегу царил суэта, здесь царил особая тишина.

Желание, загаданное на речном фонаре и на фонаре Конмина, было одинаковым.

Всего четыре слова.

Вечное благополучие.

Шум вдалеке вспугнул птиц и разбудил людей на другом берегу.

Су Няньсюэ отстранилась, открыв глаза, в которых ещё блестели слёзы.

Для посторонних это были лишь мгновения, но для них это казалось вечностью. Ощущение от поцелуя всё ещё оставалось на губах, вызывая невольное покраснение и учащённое сердцебиение.

Очень неопытный поцелуй, и понятно, что первый. В этом плане, как могло быть иначе?

После мгновенного порыва Цин Лань смотрела на её лицо, словно не зная, что делать, её руки не знали, куда деться. Су Няньсюэ заметила её покрасневшие до предела уши и не смогла сдержать лёгкий смех.

— Кто бы после такого... вёл себя, как ты? — Хотя она сама была не лучше, она всё же пододвинулась ближе, чтобы подразнить. — Мм... Сделала — и сбежала, Алань, ты словно настоящий соблазнитель!

— Нет! Я не такая! Я просто... — Цин Лань поспешно подняла голову, чтобы опровергнуть, и в её обычно спокойных светлых глазах впервые появились тревога и растерянность, что напомнило Су Няньсюэ о взъерошенной кошке с Западного края.

Действительно мило. Су Няньсюэ, прищурившись, улыбнулась и ткнула её пальцем в плечо, притворившись удивлённой.

— Просто что? Ты что, хочешь отказаться от ответственности?

— Нет! Я... — Цин Лань схватила её руку, покраснев, и тихо сказала. — Ты не думаешь, что... что...

— Что?

— ...Это отклонение от нормы.

Эти слова заставили Цин Лань осторожно поднять голову. Наблюдая, как улыбка на лице собеседницы постепенно исчезает, она с некоторым беспокойством сжала её руку.

Однако Су Няньсюэ так и не отняла руку.

В безмолвном ожидании она услышала, как другая тихо заговорила.

— Ты имеешь в виду, что мы обе женщины, или твою роль Призрачного Служителя? — Су Няньсюэ коснулась её лица, и в её чёрных глазах исчезла обычная улыбка. — Или, может, и то

и другое?

Не дожидаясь ответа, она покачала головой и, глядя в её глаза, сказала:

— Алань, если бы это был кто-то другой, у него бы не было шанса даже приблизиться ко мне. И уж тем более...

Тем более быть так близко.

— Что касается отклонения от нормы... — Она смотрела на неё с полуулыбкой, рассеянно произнеся. — От каких канонов я отошла? Какие устои нарушила? Если я отличаюсь от других, значит ли это, что я отклоняюсь от нормы?

Цин Лань не ожидала таких слов и на мгновение замерла, прежде чем прийти в себя. Она сжала губы, подняла руку и, опустив глаза, нежно прикоснулась к её ладони.

В её опущенных зрачках была юношеская привязанность и... зависимость.

Это слово, появившееся в голове Су Няньсюэ, вызвало у неё мгновенное удивление, но затем её охватили радость и тепло.

Будь она Призрачным Служителем или Чёрным Орлом, эта девушка всегда казалась спокойной и отстранённой. Но если она снимала все свои защиты и показывала такие эмоции, значит, она была для неё кем-то очень важным.

— Ты — переменная в нынешнем положении вещей, но эту переменную принесла я. — После короткой паузы Цин Лань медленно заговорила. — Я думала оттолкнуть тебя. Но теперь...

Теперь что? Су Няньсюэ смотрела на её глаза, с лёгкой улыбкой на губах, тихо ожидая продолжения.

— Теперь. — Взгляд Цин Лань был немного смущённым, но в нём было больше мягкости, словно она сняла тонкий слой льда с поверхности. — Ты тоже стала моей переменной, Асюэ.

В глазах Су Няньсюэ на мгновение мелькнула радость.

— Как ты меня назвала?

— Асюэ. — Цин Лань тихо рассмеялась. — Я не первый раз так тебя называю.

Действительно, не первый раз, но раньше это было в спешке. Только другие называли её

«Няньсюэ», и лишь она одна случайно произносила «Асюэ». Наверное, уже тогда всё было предопределено.

Как она раньше не могла представить, что её брат потеряет голову из-за кого-то, она и сама не думала, что однажды её сердце будет трепетать из-за кого-то.

Судьба и чувства — эти два слова невозможно ни объяснить, ни понять.

— Ты уверена в своём выборе? — Сдержав улыбку, Цин Лань сменила тему. — Вместо того чтобы идти по широкой дороге, ты выбрала путь злых духов вместе со мной, и это самый опасный путь.

— Опасен он или нет, решать не тебе, нужно пройти его, чтобы понять. — Су Няньсюэ просто улыбнулась, глядя на неё. — В любом случае, это не первый раз, когда я иду не по «правильному» пути.

Уехать из Чанъяня, покинуть дом маркиза Аньян — разве это не было отклонением от нормы в глазах старших?

Так что же страшного в том, чтобы пройти ещё несколько таких путей?

Цин Лань прищурилась и посмотрела на неё, затем внезапно засмеялась.

Она никогда не видела её такой радостной. В её персиковых глазах отражалось её собственное лицо, а изгиб бровей делал её глаза похожими на растопленный весенний пруд — нежный и опьяняющий.

— Ты помнишь лотос, который я тебе подарила? — Она наклонила голову, и в её прищуренных глазах мелькнула хитрая искорка. — Ты думала, я не знаю, что он означает? Мм?

Цветущий лотос, два бутона, неразделимые.

Не то чтобы она не знала, просто тогда намеренно проигнорировала. Или, возможно, из-за того, что некоторые мысли ещё не были ясны, она поступила так, будто была глуха к намёкам.

— Ты... — Су Няньсюэ на мгновение замерла, а затем, словно в отместку, ущипнула её за щёку. — Ну и ну, научилась меня дразнить?

Цин Лань позволила ей щипать свою щёку, и в её глазах и на лице играла улыбка.

— Я ещё не спросила тебя. — Она всё же проявила снисходительность, и в её глазах

промелькнуло беспокойство. — А что насчёт Мокэ, ты...

— Там всё в порядке, брат не будет вмешиваться в мои дела, можешь не беспокоиться. Но...

— Но что?

При упоминании об этом в глазах Цин Лань появилось некоторое смущение, но под заботливым взглядом другой она попыталась выглядеть спокойной.

— Если я захочу забрать тебя с собой, всё может измениться.

Что значит «забрать с собой»... Её лицо покраснело, и она тихо фыркнула.

— Кто сказал, что я пойду с тобой...

— Хм? Кажется, кто-то говорил, что хочет поехать в Цзинчу? — Цин Лань подняла бровь, притворяясь задумчивой. — Или я ошибаюсь?

Ценой такой шутки стало то, что её снова ущипнули за щёку.

Но упоминание об этом действительно было как шип в сердце. В её глазах быстро мелькнула тень. Самовольное возвращение в Срединные равнины неизбежно повлечёт за собой триста ударов бича наказания, а что, если она приведёт кого-то в Мокэ? Когда её брат привёл Тан Хань, даже будучи тяжело раненым, он всё же получил триста ударов. Действовал ли он по правилам или руководствовался личными мотивами, она не могла судить, но все признаки указывали на то, что даже своим в Мокэ она не могла доверять.

Но если сложить эти два случая, получится шестьсот ударов бича... Это не смертельно, но лучше не говорить об этом человеку перед собой.

— Что случилось? — Заметив её задумчивость, Су Няньсюэ отпустила её руку и взяла её за палец, слегка покачивая.

<http://bllate.org/book/15509/1377713>